

«И НЕ ТАК УЖ МЫ ПРЕСТУПНЫ, ПРАВО...»

О репрессиях русских эмигрантов Китая

Наталья ГРЕБЕНЮКОВА

Эти строчки принадлежат известной советской поэтессе М.С. Петровых (1908–1979), которая знала о политических репрессиях в СССР не понаслышке: пострадали (были расстреляны) два ее дяди-священника и муж, музыковед и библиограф В.Д. Головачёв, умерший в спецлагере.

Политические репрессии 1930–1940-х годов напрямую коснулись не только советских людей, но и русских эмигрантов из Китая, среди которых было немало деятелей культуры, искусства и науки. Во время советско-китайского конфликта 1929 года в Маньчжурию вошло два советских полка, и следователи, уже имевшие на руках списки подозреваемых, производили аресты, допросы среди русских поселенцев Маньчжурии. В 1932 году Япония оккупировала Маньчжурию, и спустя три года Китайско-Восточная железная дорога была продана. В марте 1935 года началась репатриация из Маньчжурии советских граждан, работавших на КВЖД, — в Советский Союз выехали десятки тысяч человек. Органы госбезопасности СССР активно «вели разработку» прибывших реэмигрантов, которых называли в оперативной отчетности «харбинцами».

Поэтесса и переводчица русского Китая А.П. Паркау (1887–1954) в своих воспоминаниях высказала убежденность в том, что: «женщина ... должна стараться ... создать стойкую семью, чтобы ... воспитать русских детей, любящих Родину, чтобы передать их той России, которая будет в состоянии их от нас принять». Большинство

молодых людей родились в Харбине и никогда не жили в России, царской или советской, но, воспитанные в Китае русской культурой, они мечтали жить в стране великих Пушкина и Чайковского...

В Китай поступали известия, что некоторые из уехавших в Советский Союз граждан погибали, но официальные сведения о них были ложными: «Умер от крупозной пневмонии» или от «гнойного плеврита». Писатель и ученый В.П. Петров (1907–2000) вспоминал, что «в тридцатых годах в Китае ходило много слухов об их (арестованных — Н.Г.) судьбе, но ничего определенного не было известно. Люди просто исчезли «за чертополохом».

Планомерные репрессии в отношении «харбинцев», бывших служащих КВЖД и реэмигрантов из Маньчжоу-Го, начались с 20 сентября 1937 года, когда вышел оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР Н.И. Ежова за № 00593, направленный против «террористической диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из так называемых харбинцев». В приказе сообщалось, что органами НКВД учтено до 25 тысяч человек, делались ссылки на Учетные агентурно-оперативные материалы. В них утверждалось, что «выехавшие в СССР „харбинцы“ в

Группа харбинских поэтов, в центре (четвертый слева) А.И. Несмелов

«Пик террора в отношении репатриантов из Китая пришелся на 1937–1938 годы, когда было репрессировано более 31 тысячи «харбинцев», из них более 19 тысяч человек приговорено к расстрелу и более 10,5 тысячи — на 10–25 лет ИТЛ».

подавляющем большинстве состоят из бывших белых офицеров, полицейских, жандармов, участников различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций и т. п.». Они, по мнению органов НКВД, были агентурой японской разведки, которая многие годы направляла их в Советский Союз для террористической, диверсионной и шпионской деятельности. В приказе перечислялись категории «харбинцев», которые подвергались ликвидации или аресту. Среди них, в том числе, назывались участники всевозможных организаций («Христианский союз молодых людей», «Русское студенческое общество», «Братство русской правды», «Союз мушкетеров» и другие), а также лица, служившие в иностранных фирмах, владельцы и совладельцы различных предприятий в Харбине.

Арестованные были разбиты на две категории: «изобличенным в диверсионно-шпионской, террористической, вредительской и антисоветской деятельности» выносился приговор «расстрелять», менее активных ожидало заключение в тюрьмы сроком от 8 до 10 лет. Кроме того, на арестованных «харбинцев» еженедельно составлялась отдельная справка (альбом) с изложением следственных и агентурных материалов, которые определяли степень виновности арестованных, и этот «альбом» направлялся на утверждение в НКВД СССР. Пик террора в отношении репатриантов из Китая пришелся на 1937–1938 годы, когда было репрессировано более 31 тысячи «харбинцев», из них более 19 тысяч человек приговорено к расстрелу и более 10,5 тысячи — на 10–25 лет ИТЛ.

А. Ачаур. Харбин, 1940

которых были А.И. Несмелов (1889–1945), М.П. Шмейсер (1909–1986), вся редакция журнала «Луч Азии» и газеты «Заря». Были арестованы известные в Харбине ректор Политехнического института Л.А. Устругов (1877–1938), профессор Юридического факультета Н.В. Устрялов (1890–1938). Список арестованных поэтов, журналистов, издателей и деятелей образования, репрессированных в Маньчжурии после 1945 года, насчитывает сотни имен. Согласно данным «Мемориала», по «харбинской линии» было осуждено 35 943 человека.

После принятия этих указов началась добровольная репатриация, которая охватила период конца 1946–1950 гг. После Указа Президиума Верховного Совета СССР от 20 января 1946 г. о получении советского паспорта почти две трети русской диаспоры Шанхая получили советское гражданство. По данным МВД СССР, на начало июня 1948 г. из Китая прибыло 6027 человек.

Бывшие русские эмигранты подавали прошения о предоставлении им советского гражданства. Пик репатриации этого периода, считают историки, пришелся на 1947–1948 годы. В сентябре 1947 г. после оформления документов в Генконсульстве СССР турбоэлектроход «Ильич» с русскими на борту вышел из Шанхая и взял курс на порт Находка. Вторая группа русских из Тяньцзиня отплыла на родину на теплоходе «Гоголь». В 1947 г. прибывших репатриантов из Китая размещали, главным образом, на Урале — в 38 городах и районах Свердловской области, в городах Златоусте, Магнитогорске, Миассе и двух районах Челябинской области, в шести городах Башкирской АССР. Из них подавляющее большинство в Уфе, Стерлитамаке, Белорецке, Черниковске и двух районах в Молотовской области — в городах Соликамске, Молотове, Чусовом, Кизеле, Бе-

«В сентябре 1947 г. после оформления документов в Генконсульстве СССР турбоэлектроход «Ильич» с русскими на борту вышел из Шанхая и взял курс на порт Находка. Вторая группа русских из Тяньцзиня отплыла на родину на теплоходе «Гоголь»».

9 августа 1945 года началась Советско-японская война, в результате которой была разгромлена Квантунская армия в Китае и советские войска оккупировали Маньчжурию. Среди репрессированных в 1945 году оказались как бывшие рядовые Белой армии («колчак-ковцы», «каппелевцы» и «семеновцы»), так и старожилы КВЖД. Начались массовые аресты. Репрессиям подверглись почти все журналисты, издатели, деятели культуры, которые ранее сотрудничали с японскими властями. По воспоминаниям поэта В.Ф. Перелешина (1913–1992), советская администрация Харбина устроила в бывшем здании японского консульства официальный прием. Арестовали всех приглашенных, среди

резниках, Чердыне, Губахе и Юго-Камске, в Татарской АССР — в Казани и четырех районах республики.

В 1946–1948 гг. все репатрианты прошли процедуру фильтрации, примерно треть была осуждена по 58-й статье УК РСФСР за коллаборационизм на сроки от 10 до 15 лет. В 1947–1951 гг. несколько сотен репатриантов, добровольно вернувшихся в СССР, также были осуждены. На запросы родственников погибших репрессированных давались неверные ответы о дате и причине смерти, а действительные причины сообщались только устно. Такое положение закреплялось с 1955 г. Указанием N 108сс органам КГБ, подписанным Председателем комитета госбезопасности В.Е. Семичастным. В соот-

Группа харбинских деятелей культуры с Ф.И. Шалапиным

ветствии с этим указанием, органы госбезопасности извещали членов семей осужденных, что их родственники, приговоренные к 10 годам ИТЛ, умерли в местах лишения свободы, а в выданных свидетельствах причина смерти была вымышлена, даты смерти назывались в пределах 10 лет со дня ареста. Установление в 1955 г. указанного порядка объяснялось тем, что «в период репрессий было необоснованно осуждено большое количество лиц, поэтому сообщение о действительной судьбе репрессированных могло быть ... использовано враждебными элементами в ущерб интересам Советского государства».

Во второй половине 1950-х гг. наметилась либерализация политического режима в СССР, и фактов массового террора в отношении репатриантов из Китая уже не было, хотя выходили директивные распоряжения КГБ, согласно которым все прибывшие из Китая подлежали постановке на оперативно-следственный учет. Снятие с учета в 1950-е гг. планировалось произвести только в 1980–1990-е годы. На сегодняшний день большая часть репатриантов из Китая, репрессированных в годы сталинизма, реабилитирована.

В рамках статьи можно лишь назвать имена некоторых пострадавших деятелей культуры, искусства

и науки, «харбинцев», и лишь коснуться их драматических судеб. О некоторых из них известно чуть больше, об иных — совсем немного. Прошли по кругам ада поэты и прозаики А.А. Ачаир, А.И. Несмелов, Л.В. Гроссе, А.П. Хейдок, Ф.Ф. Даниленко, М.Ц. Спургот, Л.И. Хаиндрава, М.П. Шмейссер, В.Ю. Янковский и многие другие. А.И. Несмелов умер в тюрьме на станции Гродеково, В.Ю. Янковский после побега из ИТЛ получил 25 лет лагерей, А.А. Ачаир — 10 лет лагерей, В.К. Обухов в 1945 г. был арестован, отпущен, вернулся в Харбин «чуть ли не пешком» (В.Ф. Перелешин) и по возвращении умер от рака, М.Ц. Спургот был репрессирован в 1951 г. Многие поэты после лагерей надолго отходили от творческой работы. Так, М.П. Шмейссер, депортированный в СССР в 1945 году, писал: «... с 1945 года я фактически перестал быть поэтом и писателем. (...) Видимо, лагерь был для меня слишком сильной психической травмой, от которой трудно было войти в состояние прежнего творческого настроения».

Поэт, автор около двух десятков книг, философ и богослов Л.В. Гроссе, сын последнего генерального консула Российской империи в Шанхае и княжны Ливен, родился в Японии, в Иокагаме, учился в Китае, в Сорбонне, в Берлинском университете, в течение 20 лет

Валерий Янковский

*Валерий Янковский.
Маньчжурия, 1943*

состоял в переписке с русским философом Н.А. Бердяевым. Решение переехать в Советский Союз было у Льва Гроссе добровольным, обдуманым. Он предлагал своему брату Аристиду вернуться на Родину своих предков, но брат, по счастью, не принял его предложения и эмигрировал сначала во Францию, потом в Германию, но когда к власти пришел Гитлер, Аристид Викторович, к тому времени уже известный ученый, выехал в США. Жизнь его сложилась куда более счастливо, чем у Льва: к нему пришла слава, он многого достиг в науке, стал одной из ключевых фигур Манхэттенского ядерного проекта... После репатриации в СССР в 1948 г. Л.В. Гроссе жил в Казани, работал в течение года переводчиком.

Исследователь литературы и искусства русского зарубежья, Л.П. Черникова, работая в Архиве внешней политики РФ, обнаружила несколько писем-заявлений Л.В. Гроссе, отправленных из Казани на имя советских руководителей — бывшего генконсула СССР в Шанхае Ф. Халина, министра иностранных дел СССР В.М. Молотова и генсека КПСС И.В. Сталина. Автор

писем обращался с просьбой предоставить ему работу с учетом его образования и знания иностранных языков, чтобы приносить больше пользы Отечеству. Некоторое время письмам Л.В. Гроссе не давали хода, но «в 1947 г. была начата кампания за более жесткие формы идеологии, объявлена борьба с космополитизмом», и последовали арест, допросы, тюрьма и лагерь.

Поэт восточной ветви зарубежья Ю.В. Крузенштерн-Петерец, внучка российского мореплавателя, адмирала И.Ф. Крузенштерна, вспоминала: «Лишь несколько лет спустя оказавшись далеко за пределами Китая, услышала я, что Лев Гроссе скончался в тюрьме. (...) По сведениям, полученным позднее, Гроссе подвергли нечеловеческим пыткам. Ему сдавливали голову обручем... А что было перед тем?.. Очевидно, тоже что-то страшное, и он все это вынес, если потребовалось такое изуверство. Последнего он уже не выдержал».

Тяжелой была судьба писателя В.Ю. Янковского (1911–2010 гг.). После вступления частей Советской армии в Маньчжурию он с братьями Арсением и Юрием добровольно явился в штаб 25-й армии, и все они

работали военными переводчиками с корейского и японского языков. Но вскоре, в январе 1946 г., их арестовали «за оказание помощи международной буржуазии». Взятые были и двоюродная сестра Татьяна, и их 69-летний отец. Сначала Валерию дали 6 лет, но после пересмотра дела Валерий Янковский получил 10 лет ИТЛ, и его повезли во Владивосток. «Везли даже не как скот, а как хищных зверей — за решетками, — вспоминал В.Ю. Янковский. — Так спустя 25 лет я вновь встретился с Родиной». Совершив побег в группе заключенных в мае 1947 г., он приговором военного трибунала был осужден на 25 лет ИТЛ. В 1949 г. мера за побег была заменена на три года. Места заключения В.Ю. Янковского — пересыльный лагерь «Шестой километр» на Первой речке (Владивосток), зона усиленного режима (ЗУР), отдельный лагерный пункт (ОЛП) в п. Таврический, Уссурийская следственная тюрьма, ИТЛ п. Ванино, ОЛП в Певеке (лагерь Чаун-Чукотского Горнопромышленного управления Дальстроя). Работал он «баландёром», гробовщиком; после разрешения на работу в лагере бесконвойным он был табельщиком, экономистом, репетитором по английскому языку сына начальника участка, бригадиром. В августе 1952 г. В.Ю. Янковский был освобожден, однако по

Был репрессирован большой поэт, музыкант и мелодекламатор русского зарубежья, основатель харбинского объединения «Молодая Чураевка», секретарь отдела ХСМЛ в Харбине (с 1923 г.) А.А. Ачаир (Грызлов) (1896–1960 гг.).

В личном деле А.А. Грызова, хранящемся в Государственном архиве Хабаровского края, содержится такая информация: «ХСМЛ тесно связан с местными масонскими организациями. Секретарь ХСМЛ Грызлов (...) является членом масонской организации Розенкрейцеров...» Там же, под грифом «Совершенно секретно» есть такая запись: «...владеет английским, японским и немецким языками. Из копии имеющегося в деле агентурного донесения агента Х-306 от 27 ноября 1939 г. видно, что Грызлов имеет связи с английской и американской разведками, имеет близкие отношения с работниками Американского и Английского посольства... Из агентурного донесения агента Х-323 от 25 января 1940 г. видно, что Грызлов имел беседу с секретарем Французского посольства, которая происходила 20 января 1940 г. в кабаре «Бомонд». Поэт был арестован в Харбине в 1945 г. и был осужден на десять лет ИТЛ. О своем «гулаговском» прошлом он не рассказывал даже близким, но известно, что в ссылке

«Если бы написать книгу о судьбе репрессированных деятелей культуры из Маньчжурии, получилась бы эпическая поэма о детской наивности, доверчивости, силе человеческого духа, мужестве и беззаветной любви к Родине, которую многие «харбинцы» создали только силой своего творческого воображения».

предписанию администрации Дальстроя должен был проживать «до особого распоряжения» на отдаленном прииске «Южный» на Чукотке. О пережитом Валерий Янковский написал книгу «От Гроба Господня до гроба ГУЛАГа: быть!».

Был репрессирован и один из ярчайших поэтов дальневосточного зарубежья А.И. Несмелов (Митропольский) (1892–1945 гг.). При жизни он выпустил девять сборников стихов и два сборника рассказов. В августе 1945 г. был арестован и вывезен в СССР. Поэт находился в пересыльной тюрьме на станции Гродеково. Его сокамерник Иннокентий Пасынков рассказывал о последних днях и кончине А.И. Несмелова, который не терял присутствия духа (воспоминания приводятся в предисловии к собранию сочинений поэта, изданных во Владивостоке в 2006 г.): «Внешний вид у всех нас был трагикомический... а моральное состояние Вам нечего описывать. Помню, как А.И. нас всех развлекал, особенно перед сном, своими богатыми воспоминаниями, юмором, анекдотами, и иногда приходилось слышать смех и оживление, хотя в некотором роде это походило на пир во время чумы...». Умер поэт от инсульта прямо в камере, и никто из охранников не вызвал врача.

находился в Байките и там продолжал писать стихи и музыку к ним.

Поэт М.Ц. Спургот (1901–1993 гг.), автор восьми стихотворных сборников и популярных в Харбине песен, «Мистер ХЛАМ» (звание на конкурсе объединения русской шанхайской богемы, Содружества художников, литераторов, артистов и музыкантов — Н.Г.), журналист, редактор, вернулся в СССР «из страны роз и чая» в 1947 году. Он был осужден и находился в ИТЛ с 1951 по 1955 годы.

Если бы написать книгу о судьбе репрессированных деятелей культуры из Маньчжурии, получилась бы эпическая поэма о детской наивности, доверчивости, силе человеческого духа, мужестве и беззаветной любви к Родине, которую многие «харбинцы» создали только силой своего творческого воображения. Ю.В. Крузенштерн-Петерец в письме к поэтессе Л.Н. Андерсен горько замечала: «...имен других замученных и усопших, уехавших добровольно или увезенных из разных пунктов Китая и Маньчжурии — поэтов, художников, музыкантов, журналистов — набралось уже столько, что из них можно сплести погребальный венок на могилу дальневосточной эмиграции...». **ИБ**